

А.Н. Баранов
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ДОКТОРСКОЙ
ДИССЕРТАЦИИ
М.А. ОСАДЧЕГО «ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В
АСПЕКТЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВЫМИ РИСКАМИ»¹

A.N. Baranov
SOME ASPECTS OF THE RELATION OF LINGUISTIC THEORY AND
LINGUISTIC EXPERTISE IN THE DOCTORAL THESIS M.A. OSADCHY «PUBLIC
SPEECH COMMUNICATION IN TERMS OF LEGAL RISK MANAGEMENT»

В статье выявляются некоторые методологические особенности докторской диссертации М.А. Осадчего, анализируются предлагаемые М.А. Осадчим понятие легитимности, понятие «базового фрейма», набор тактик ведения коммуникации и т.д. в аспекте соотношения лингвистической теории и лингвистической экспертизы.

The article identifies some methodological features of the doctoral dissertation of M.A. Osadchy, analyzed the proposed M.A. Osadchiy the concept legitimee, the concept of "base frame", a set of tactics of conducting communication, etc. in the aspect ratio of linguistic theory and linguistic expertise.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза текста, метод параметризации, параметрическая модель, правовые риски, публичная коммуникация.

Keywords: linguistic examination of the text, the method of parameterization, parametric model, legal risks, public communication.

Лингвистическая теория тесно связана с приложениями теории языка, которые позволяют не только проверять на практике теоретические построения, но и выявлять те направления, которые перспективны с точки зрения развития теоретических знаний о системе языка и о его функционировании. Лингвистическая экспертиза текста имеет достаточно долгую историю развития, однако ее современный этап в отечественном языкознании начался в 90-е гг. XX в., будучи инициирован процессами демократизации советского общества – как бы к ним ни относиться по прошествии уже более 20 лет.

С сожалением следует констатировать, что отечественная наука о языке – и русистика как ее составная часть – оказалась не в состоянии предложить готовые методы анализа языкового материала, непосредственно применимые в сфере права. Ограниченная дееспособность лингвистической теории повторилась и в нескольких других прикладных направлениях языкознания, возникших (или ставших активно развиваться) в начале 90-х гг.: в политической лингвистике, в теории речевого воздействия и в области исследования языка рекламы. К настоящему времени накоплен значительный опыт исследования языковых данных во всех указанных прикладных направлениях. Получены интересные – часто совершенно нетривиальные – результаты, существенно дополнившие наши знания о реальном функционировании языковой системы.

В этом плане рецензируемая диссертация характеризуется, во-первых, методом параметризации, который избирается автором для выделения всех существенных характеристик обсуждаемых речевых феноменов, и, во-вторых, созданием параметрических моделей исследуемых речевых феноменов, предполагающих алгоритмизацию работы эксперта при проведении экспертизы². Параметризация как

¹ Данная статья представляет собой сокращенный вариант отзыва официального оппонента.

² Отдельно обсуждаются алгоритмы ухода от правовых рисков.

таковая не является новым методом исследования языкового материала. Дело в том, что термины «признак», «параметр», «свойство» и стоящие за ними феномены сводимы к категории функции и являются производными от этой категории с необходимыми модификациями и уточнениями. Отметим, что сравнение параметризации в смысле данной диссертации с теорией принципов и параметров Н. Хомского вряд ли правомерно, поскольку в последней параметры – это универсальные ограничения на трансформацию перемещения. Разумеется, сходство здесь есть, поскольку в любом случае все это функции, но от разных аргументов (количественно и качественно), с разными областями отправления и прибытия.

Однако диссертант отнюдь не ограничился функциональной природой параметризации, предложив оригинальную параметрическую модель для квалификации разнообразных речевых феноменов, существенных для лингвистической экспертизы: для понятий публичной коммуникации, для категории сведений порочащего характера и клеветы, для неприличной формы высказывания и т.д. – по всем направлениям работы лингвиста-эксперта (за исключениями, которые я указал в отзыве выше). Такая модель чрезвычайно важна для лингвистической экспертизы текста по целому ряду причин. Укажем лишь некоторые: из-за необходимости методической проработки экспертных процедур, из-за требования алгоритмизации деятельности эксперта, для объективизации получаемых результатов, для обеспечения возможности проверки и воспроизводимости получаемых выводов. К настоящему времени столь проработанных с методической точки зрения алгоритмов деятельности эксперта нет. Как бы ни относиться к отдельным пунктам предлагаемых моделей (я скажу несколько подробнее по этому поводу ниже) – это несомненное достижение автора, выделяющее данную работу среди аналогичных квалификационных исследований.

Третьей методологической особенностью обсуждаемой работы следует считать использование диссертантом понятия правовых рисков и управления ими. Отмечу, что это не просто модный термин: для автора рецензируемого исследования это принципиально важный момент, позволяющий ввести в рассмотрение способы ухода от правовых рисков (глава 6 – Коммуникативная стратегия ухода от правовых рисков), а также сформулировать понятие легевфемии – эвфемизации, используемой в дискурсе для того, чтобы избежать правовой ответственности. Проведенный диссертантом представительный опрос информантов (студенты университета) дал возможность автору выявить некоторые факторы эффективности управления рисками и сформулировать соответствующий алгоритм. Иными словами, использование междисциплинарного концептуального аппарата – управления рисками – при решении научных задач в сфере лингвистики – это не дань моде, а естественное продолжение научных интересов диссертанта.

В рецензируемом диссертационном исследовании убедительно показано, что важнейшим инструментом купирования правовых рисков в сфере публичной коммуникации является легевфемизм (глава 6). В работе дается оригинальная авторская классификация легевфемизмов. Среди последних различаются синтетические и аналитические формы. Синтетические легевфемизмы являются в терминологии автора «полным субституттом» номинации, к которой отсылают, а аналитические – содержат как потенциально опасную номинацию, так и так называемый «нейтрализатор», который и снижает правовой риск. В теории речевого воздействия лексические «нейтрализаторы» указанного типа называются ограничителями (*hedges* – по Дж. Лакоффу [Lakoff, 1973]). Использование ограничителей обычно рассматривается как один из наиболее действенных способов, в той или иной мере снимающих ответственность говорящего за пропозицию [Баранов, 2007, с. 290-293]. Рассмотрение легевфемизмов в рамках категории эвфемизмов представляется вполне разумным и перспективным как с теоретической, так и с прикладной точки зрения.

Легевфемизмы – это лишь «кирпичик» в стратегии ухода от правовых рисков.

М.А. Осадчий формулирует в диссертации набор тактик ведения коммуникации, которые уменьшают разнообразные правовые риски. Это тактика «манифестация субъективности», «затемнения референта», «разорванная предикация», «деавторизация» и «автореабилитация» (глава 6). В диссертации на большом фактическом материале демонстрируется эффективность рассматриваемых тактик. Отметим, что некоторые тактики уже обсуждались в теории речевого воздействия как приемы речевого воздействия. В связи с этим утверждение диссертанта о том, что «в современной российской лингвокультуре набор тактик ухода от правовых рисков является закрытым и универсальным для всех видов правонарушений и включает пять единиц» (с. 16) нуждается в более серьезном обосновании, чем ссылка на анализ эмпирического материала (с. 261, 305). Практически любой прием речевого воздействия может использоваться для снижения правовых рисков в правовом поле, рассматриваемом в рецензируемом исследовании. Так, прием постановки в негативно оцениваемый ассоциативный ряд позволяет избежать использования прямых утверждений с негативной информацией о человеке. Тот же эффект обеспечивается при использовании факультативных семантических следствий.

Для доказательства выдвигаемых положений и демонстрации семантических различий между языковыми формами М.А. Осадчий использует систему примеров – «кейсов», – системно организованных по характеру присутствия (отсутствия) того или иного признака или их комбинации. Это очень удачный метод семантического анализа, позволяющий по классической структурной схеме выделять семантические и прагматические различия условий использования тех или иных речевых форм.

Оценивая очень высоко данную работу, хотел бы все-таки высказать несколько соображений, появившихся у меня в процессе чтения диссертации. Весьма условно разделю их на общетеоретические и практические. В первом случае я выступаю как специалист в широкой области семантики, а во втором – как лингвист, не чуждый экзерсисиам в сфере лингвистической экспертизы текста.

Начну с практических соображений.

Лингвисты, начинающие проводить экспертные исследования, даже если они не получили юридического образования, довольно быстро осознают необходимость разграничения «специальных познаний» и юридической стороны вопроса. Общий принцип здесь таков, что лингвист-эксперт не имеет права вторгаться в собственно юридическую проблематику, причем сфера чисто «лингвистического» с 90-х гг. к настоящему времени последовательно сужается. Приблизительно с середины 90-х гг. московские и петербургские суды (скорее всего это касается и других регионов) последовательно отвергают экспертизы и заключения, в которых лингвист-эксперт делает вывод о том, что та или иная фраза унижает, порочит, умаляет честь, достоинство и деловую репутацию гражданина или является оскорблением. В тексте работы и предлагаемых параметрических моделях юридические формулировки иногда воспроизводятся. Ср., например, на стр. 100 в Таблице 2-4 находим: «Сведения умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица». На стр. 240 диссертант пишет: «При этом совершенно ясно, что приведенные высказывания в полной мере отвечают лингвистическим критериям угрозы, то есть являются речевой угрозой, не становясь при этом угрозой криминальной». Квалификация угрозы как криминальной – прерогатива суда и органов дознания. Лингвист-эксперт для большинства ситуаций угрозы не может выявить всех признаков именно криминальной угрозы, поскольку часто они носят экстралингвистический характер (ср. восприятие адресатом угрозы как реальной, установление реальности или возможности выполнения угрозы угрожающим и пр.). А вот лингвистическую угрозу – то есть угрозу как речевой акт – эксперт-лингвист должен отметить в любом случае. Юридическая квалификация остается вне рамок экспертного анализа. В связи с этим формулировка на стр. 248 «*Описание модели*: объективную сторону угрозы убийством или причинением тяжкого

вреда здоровью образует высказывание, отвечающее следующим признакам в их совокупности: <...>» некорректна как чисто правовая. Лингвист-эксперт описывает компоненты семантики угрозы, а квалификация их как объективной или субъективной стороны угрозы убийством и пр. – это юридическая проблематика.

В связи с термином «специальные познания» следует отметить также то, что «лингвистические специальные познания» должны быть отделены не только от юридических, но и от всех прочих «специальных познаний» – психологических, социологических, философских и др. Один из разделов диссертации посвящен понятию «социальной группы» (§ 4.3.2. Параметризация групповой принадлежности. Проблема социальной группы). Между тем эта категория не имеет отношение к лингвистике, а в социолингвистике заимствуется как социологическая категория. Лингвист может выявить отнесенность предикации к той или иной группе лиц, объединенных тем или иным признаком, свойством, характеристикой, но квалификация этой группы как социальной не входит в его компетенцию – тем более, что это имеет серьезные правовые последствия. Это компетенция суда и органов следствия. Несколько крупных федеральных и московских экспертных центров исходят именно из такой предпосылки. В противном случае любая критика будет признана либо оскорблением, либо экстремизмом. Думаю, что сообщество лингвистов-экспертов должно быть единым в квалификации случаев указанного типа.

За пределами компетенции экспертов-лингвистов остаются и вопросы о восприятии тех или иных языковых форм. Так, на стр. 67 находим:

В данном процессе эксперту был адресован вопрос: «Как воспринимается высказывание телезрителями?». Лингвист принял решение проанализировать информационный фон, актуальный на момент публикации.

Никакие лингвистические методы не позволяют выявить эффекты восприятия речевого сообщения. Это проблематика психолингвистики, психологии и социологии. В лингвистической семантике разработаны методы анализа семантики речевых форм – как с точки зрения анализа, так и с точки зрения синтеза (порождения). Но анализ семантики не является анализом особенностей восприятия. Анализ семантики позволяет выявить типовое понимание речевого высказывания (речевой формы), но конкретные особенности восприятия могут быть установлены только в результате весьма сложных экспериментов в рамках психологии и социальной психологии.

Как справедливо отмечается в диссертации, значительная часть теории лингвистической экспертизы состоит в разработке принципов согласования юридических и лингвистических категорий. Наибольшую сложность вызывают лингвистически определяемые понятия, то есть те категории, которые связаны с языком, но не определяются в законах и подзаконных актах. Здесь элемент интерпретации со стороны лингвистов неизбежен, но должен быть минимизирован, поскольку интерпретация законов находится в сфере компетенции суда. Однако квалификация лингвистически определяемых понятий должна все-таки быть разумной. В рецензируемой работе термин «неприличная форма» (ст. 5.61 КоАП РФ) в связи с оскорблением предлагается расширить за счет «неприличного содержания»:

Может ли неприличная семантика высказывания стать неприличной формой унижения чести и достоинства? Думается, эта проблема носит чисто номинативно-терминологический характер. С лингвистической точки зрения очевидно, что в контексте диспозиции «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» слово форма использовано не в значении ‘внешняя оболочка’, а в значении ‘способ’ (унижение чести и достоинства другого лица неприличным способом) (с. 133).

Нельзя согласиться с тем, что «неприличное содержание» – это такая форма унижения чести и достоинства неприличным способом, а различие между формой и содержанием – упражнение в терминологии. Иначе мы придем к тому, что высказывания типа *Имярек запутался в своих беспорядочных связях с женщинами* будет оскорблением.

Действительно, содержание-то указывает на табуированную сферу. Попытка включить в законодательство всю мораль ни к чему хорошему не приведет. Не все, что оскорбительно для человека в обыденном понимании, должно регулироваться законодательными нормами и реально может ими регулироваться. Мораль и право не противопоставлены друг другу, но и не дублируют друг друга. Это разные измерения (dimensions) жизни человека в обществе.

В связи с обсуждением феномена оскорбления трудно согласиться и с тем, что в последовательности взаимной брани (в непубличной коммуникации) лишь первое (инициирующее) имеет неприличную форму:

В ситуации взаимной брани акт нарушения норм приличия совершается в момент произнесения первичного бранного высказывания, именно оно, образно выражаясь, пересекает границу нормы и выводит коммуникативное событие в целом за пределы нормативности (с. 135 и далее).

Не знаю, как с точки зрения права, но лингвистической логики за этим нет. Можно предположить, что здесь «работает» логика «око за око, зуб за зуб»: первый, кто нарушил некоторую норму, и является виновным, а ответное нарушение уже несущественно. Если подходить к проблеме взаимной брани с лингвистической точки зрения, то правильнее было бы анализировать типы дискурсов с точки зрения дискурсивных практик: в некоторых типах дискурсов использование бранной и даже обценной лексики является по факту нормой. Трудно представить, например, сферу строительства без нецензурной лексики. Аналогичная ситуация в армейском быту. Дискурсивные практики в этих областях функционирования русского языка по факту допускают использование мата. Соответственно взаимная брань в этих языковых сообществах не должна рассматриваться как неприличная форма выражения, передачи того или иного смысла (вне зависимости от того, кто начал первым).

Перейду к общетеоретическим соображениям.

Для анализа феномена призыва М.А. Осадчий использует понятие «базового фрейма»:

С когнитивной точки зрения успешный призыв формирует в сознании адресата речи картину действия, к которому осуществлен призыв, то есть образ базового фрейма SPO (субъект – действие – объект) (с. 161-162).

И далее:

Вербальная составляющая успешного призыва в наиболее общем виде характеризуется следующими лингвистическими признаками (см. схему 4-2):

- 1) наличие в высказывании вербального императива (И);
- 2) наличие в высказывании образа способа совершения действия (Д);
- 3) наличие в высказывании образа объекта действия (О);
- 4) наличие в высказывании образа адресата (А) (с. 162).

Каков статус предложенной экспликации с теоретической точки зрения? Фрейм – это не лингвистическая, а когнитивная категория, которую в собственно лингвистических исследованиях следует использовать с определенной осторожностью. Одна из особенностей когнитивных категорий в том, что они не налагают никаких ограничений на лингвистическую релевантность входящих в них компонентов. Так, фрейм – это типизированное знание о некоторой сущности или совокупности процедур, но не знание, необходимое и достаточное для использования соответствующих языковых форм. Сформулированный в диссертации «базовый фрейм» подходит для любого побуждения – не обязательно только призыва. При этом вопрос о выявлении именно призывов остается вне рамок анализа. Более того, в диссертации указывается, что выявление условий успешности призыва как речевого акта дискуссионно в рамках лингвистической экспертизы:

Необходимость описания прагматических признаков призыва как коммуникативного события, моделирование зоны интенций (стратегий) адресанта,

прогнозирование реакции адресата речи, полное описание условий успешности [Баранов 2007: 412 – 476, Бринев 2010: 180 – 183; Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011: 87], по всей видимости, следует отнести к разряду дискуссионных задач судебного речеведения. Есть основания полагать, что прагматическое моделирование или полное моделирование в традициях теории речевых актов не имеет принципиального значения для судебного лингвистического моделирования – во-первых, в силу слабой объективируемости прагматических компонентов коммуникации и условий успешности речевого акта, во-вторых, по причине отсутствия в диспозиции ст. 280 УК РФ признаков, прямо маркирующих фигуру субъекта речи каким-либо специфическим речевым действием или намерением (с. 166) .

В том-то и дело, что законодатель не формулирует категорию призыва как юридически определяемое понятие. Именно поэтому, в ст. 280 УК РФ отсутствуют «признаки, прямо маркирующие фигуру субъекта речи каким-либо специфическим речевым действием или намерением». То, что «в глазах правоприменителя список условий успешности речевого акта призыва становится неким предустановленным обстоятельством совершения преступления» и «не всегда прямо следующим из материалов дела» (с. 167) в данном случае несущественно. По большей части они выполняются по умолчанию – как и большинство речевых конвенций. Если условия успешности не выполняются, об этом всегда сообщает контекст, ситуация, поскольку речевой акт оказывается неуспешным.

Условия успешности речевого акта призыва и классификация призывов не фантом абстрактных изысканий в лингвистической теории и теории речевых актов, а необходимые и достаточные условия использования соответствующих речевых высказываний, которые часто прямо фиксируются в толковании глагола *призывать* и в близких по значению словах (именно так это делается в концепции А. Вежбицкой). Квалифицировать речевое высказывание как призыв можно только тогда, когда восстанавливаются его условия успешности в конкретной ситуации (контексте) – даже если некоторые условия (например, условие искренности) выполняются по умолчанию. Как известно, ФЗ-114 «О противодействии экстремистской деятельности» – это так называемый закон формального действия. То есть не обязателен факт выполнения пропозиционального содержания призыва, достаточно того, что побуждения выражается в призыве любой формы. Условие успешности призыва выполняются в том случае, если адресат осознает, что это именно призыв, а не совет, предложение, просьба, вопрос или что-то еще.

Аналогичная проблема возникает и с феноменом угрозы. Нас с. 245 находим:

Итак, угроза как коммуникативное событие характеризуется пятью конститутивными признаками:

- 1) субъектный состав (два субъекта);
- 2) темпоральная маркированность действия (действие в будущем);
- 3) субъектная принадлежность действия (совершение действия говорящим или связанным с ним субъектом);
- 4) тип действия (вред);
- 5) адресованность действия объекту (объектом действия является адресат или связанный с ним субъект в широком смысле – человек, животное, артефакт, явление).

Здесь смысловые (семантические? когнитивные? какие-то еще?) составляющие угрозы определяются как признаки соответствующей коммуникативной ситуации. Между тем теоретический статус этой экспликации не ясен. Очевидно, что это не толкование глагола *угрожать*, поскольку в предложенную экспликацию вписывается и широкий класс предостережений. Действительно, фраза *Мой муженек к тебе поехал - пьяный в стельку. Смотри, как бы он тебя не покалечил!* не является угрозой, но для нее выполняется свойство 1 (два субъекта – говорящий и адресат), 2 (действие – *покалечит* – относится к будущему), 3 (совершение действия лицом, связанным с говорящим – муж

говорящей), 4 (тип действия – физическое воздействие), 5 (действие адресовано собеседнику). Но тогда данная экспликация оказывается слишком широкой, не позволяющей выявить в исследуемом тексте именно угрозы – пусть даже не криминальные.

Наконец, последнее. На с. 82 отмечается:

В этой связи мы вступаем в дискуссию с проф. А. Н. Барановым, полагающим, что «при использовании эксплицитной перформативной формулы с глаголами типа утверждать, констатировать, заключать к утверждениям относится ... придаточное предложение, вводимое соответствующим глаголом» [Баранов 2007: 32 – 33].

Не ясно, в какой связи М.А. Осадчий вступает со мной в дискуссию. Дело в том, что глаголы *утверждать*, *констатировать*, *заключат* – перформативы, а перформативные употребления речевых форм (в частности эксплицитная перформативная формула) не могут квалифицироваться как истинные или ложные. О фразах *Я утверждаю Р*, *Я констатирую Р*, *Я заключаю Р* можно лишь сказать, что они успешны или нет. Соответственно речевое высказывание *Я утверждаю, что Петров – вор* содержит пропозицию «Петров – вор», которая с учетом эксплицитной перформативной формулы является утверждением, которое можно проверить на соответствие действительности. Речевое высказывание *Я считаю, что Петров – вор* не является перформативом. Действительно, считать Петрова вором, можно и не произнося соответствующее высказывание. А утверждать, что Петров – вор, без произнесения эксплицитной перформативной формулы невозможно. Но это в данном случае не существенно. Важно то, что пропозиция фразы *Я считаю, что Петров вор* «Петров – вор» является мнением, поскольку вводится глаголом *считать*, передающим не эксплицитный перформатив, а отсылающим к сфере мнений говорящего. Что касается выражения *Я пришел к выводу, что Р*, то эти речевые высказывания требуют дополнительного анализа. Если цепочка вывода значительна, то они в пропозиции, скорее, передают мнение. Если же вывод ограничивается одним-двумя силлогизмами, то их пропозициональную часть правильнее квалифицировать как утверждение. Экспертная практика в целом подтверждает сказанное, хотя, конечно, случаются и отклонения. Замечу, что они возможны даже в абсолютно очевидных и принятых в экспертном сообществе случаях.

Переходя к окончательным выводам рецензии, подчеркну, что М.А. Осадчий проделал исключительно важную работу, которая существенно пополняет наши знания о функционировании языка в публичной коммуникации в связи с правовыми рисками. В этом отношении данная работа может квалифицироваться как новое направление в исследовании функционирования русского языка в публичной коммуникации с точки зрения лингвистической экспертизы текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М., 2007, 592 с.

Бринев, К.И. [Лингвистические теории и лингвистические экспертные исследования: проблема взаимосвязи юридической и теоретической лингвистики](#) / К. И. Бринев // [Сибирский филологический журнал](#). – 2010. – № 1. – С. 179 – 187.

Кукушкина, О.В., Сафонова, Ю.А., Секераж, Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму (Печатается по решению Научно-методического совета ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России). – М., 2011. - 326 с.

Lakoff, G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Journal of philosophical logic* 2, - 1973.